

ОТЗЫВ

о выпускной квалификационной работе О. В. Раевой
«ВЫСОКОЧАСТОТНЫЕ СЛОВОФОРМЫ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ
(на материале русской спонтанной речи)»,
представленной на соискание ученой степени магистра лингвистики

Работа О. В. Раевой – прекрасный образец экспериментального лингвистического исследования, проведенного, с одной стороны, на обширной теоретической базе и в русле очень современного направления в языкознании, каким, без сомнения, можно считать анализ звучащей спонтанной речи, а с другой – на очень интересном материале, который в последнее время привлекает все больше внимания специалистов-лингвистов. Таким материалом являются редуцированные формы (РФ) русской речи. В этом смысле мое появление в качестве рецензента данной работы нельзя назвать случайным: на сегодняшний момент мой самый сильный фонетический интерес в изучении звучащей речи – именно функционирование русских редуцированных форм. Этот материал привлек мое внимание пару лет назад и в диссертационном исследовании Е. И. Риехакайнен, он же (и конечно, его исследование) интересует меня и на этот раз, в работе уже ученицы Е. И. Налицо – явная преемственность поколений, неослабевающий интерес к РФ и, что важно, сохранение высокой планки научных исследований, которая в принципе свойственна кафедре общего языкознания и его фонетической «фракции» в частности.

О своей работе О. В. рассказала уже достаточно подробно и обстоятельно, поэтому я не буду тратить много времени на констатирующую часть моего отзыва. Отмечу лишь несколько наиболее важных, на мой взгляд, моментов.

Итак, работа О. В. посвящена реализации и восприятию высокочастотных единиц русской речи, а также месту ментального и – уже – перцептивного лексикона на этом пути между реализацией и восприятием. Обращаю ваше внимание на то, как сейчас сформулировала цель работы О. В. – совсем не так, как это сделала она сама на страницах диссертации. Это тоже не случайно: к этим исходным формулировкам у меня, к сожалению, будут наиболее серьезные замечания. Но об этом позже.

Работа О. В. носит, как я уже сказала, сугубо экспериментальный характер, материал анализируется различными инструментальными методами, и результаты этого анализа подвергаются серьезной статистической обработке – на предмет их достоверности и статистической значимости. Хочу отметить еще одну – вполне частную – задачу, которую поставила перед собой, а затем и решила О. В.: «разработать алгоритм определения степени частотности для единиц русской звучащей речи» (с. 5). То есть автор не удовлетворился существующими, даже самыми новыми, частотными словарями, а предпочел разработать свою программу установления степени частотности единиц русского лексикона.

В списке литературы, отражающей полноту и основательность теоретической базы, на которой строит свое исследование О. В., – 56 номеров, что, как мне кажется, вряд ли можно назвать солидным и, тем более, исчерпывающим. Работ на русском языке в этом списке существенно меньше половины. С одной стороны, это демонстрирует хорошее знакомство автора с западной научной литературой и высокий общеязыковедческий научный уровень самой работы, с другой – и тут я невольно перехожу к вопросам и замечаниям, которых у меня по прочтении работы образовалось довольно много, – русская часть этого списка представляется мне явно недостаточной. Будем считать это первым (1) моим замечанием, хотя далеко не самым серьезным.

Продолжу перечень замечаний и вопросов, на которые хочу услышать ответы. Хотя многие мои вопросы уже содержат в себе замечания, поэтому не буду их разводить.

2. На с. 6 О. В. отмечает, в чем заключается *научная новизна* ее исследования: «*впервые* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н. Б.) на материале русского языка описывается стратегия распознавания высокочастотных редуцированных единиц, в том числе с опорой на позицию во фразе». Не могу согласиться с этим заявлением. Во-первых,

до О. В. анализ восприятия РФ сделала хотя бы сама Е. И. – насколько я знакома с ее недавним диссертационным исследованием. Там не было разве что опоры на позицию единицы во фразе. Во-вторых, и в этой работе фразовая позиция учитывается в ходе анализа не восприятия, а реализации высокочастотных единиц. О восприятии же О. В. говорит здесь чисто гипотетически: «данный пример *позволяет предположить*, что слушающий ожидает встретить редуцированный вариант этой словоформы только в конце межпаузального интервала» (с. 84-85); «Учитывая приведенные выше результаты, *можно предположить*, что для слушающего оказывается возможным в процессе восприятия русской спонтанной речи для некоторых единиц предсказать, будет ли редуцированной высокочастотная словоформа в той или иной позиции или нет» (с. 89); «Важно отметить то, что распознавание редуцированных форм с опорой на анализ фразовой позиции, по-видимому, не является основной стратегией слушающего, но *сведения* о том, что в некоторых позициях во фразе высокочастотные словоформы могут быть употреблены не только в полной форме, но и в редуцированной, *скорей всего, учитываются* при распознавании естественного речевого сигнала» (с. 90); и т. д. То есть мы знаем, что и как реализуется в той или иной фразовой позиции – и на основе этого знания предполагаем, как пойдет восприятие. Экспериментально это в работе не проверяется.

3. Вообще, о чем работа О. В.? Пришло время вернуться к цели и задачам ее исследования – в том виде, как это сформулировано самим автором. На с. 5 читаем: «**Цель работы** — определить на материале русской спонтанной речи, какую стратегию (ряд стратегий) использует слушающий при восприятии высокочастотных редуцированных единиц». При этом собственно восприятию посвящено около 20 из 130 страниц текста. Основную часть работы составляет анализ реализаций высокочастотных единиц русской речи, в том числе в разных фразовых позициях. Единственная задача (№ 5 на с. 5), поставленная автором и связанная с анализом именно восприятия единиц в разных фразовых позициях, попросту не решена, поскольку все рассуждения об этом в работе носят исключительно гипотетический характер. Речь, повторяю, все время идет о реализации РФ. А если вспомнить, что тема работы – «Высокочастотные словоформы в *ментальном лексиконе*», то вопрос о том, чему же посвящена работа – реализации, восприятию или ментальному лексикону – становится еще более запутанным. На мой взгляд, ни тема, ни цель работы не соответствуют ее реальному – очень важному и интересному – содержанию. Просто работа сделана *про другое*.

4. Та же путаница – и в разговоре о *фонетическом слове* (п. 2.6, с. 99): проанализировав *реализацию* 81 ФС, включающего высокочастотную РФ, О. В. делает выводы, что некоторые РФ встречаются только в составе ФС, что полная (нередуцированная) форма реже образует ФС с предшествующей словоформой – и далее *рассуждает* о *возможных* механизмах восприятия и *ожиданиях* слушающего.

5. Еще в том же духе: на с. 29 О. В. говорит о специфике реализаций сочетаний взрывных согласных (*когда, тогда, никогда*) и, в частности, об их низкой частотности и подтверждает свои наблюдения данными Бонда 2005 г. о «перцептивно менее устойчивых смычных шумных согласных». Действительно ли О. В. считает, что фонетическая и перцептивная неустойчивость звуков напрямую связаны между собой? Думаю, что в поддержку своих наблюдений над реализацией О. В. могла бы найти достаточное количество работ именно по реализации, чтобы не вызывать лишних вопросов.

6. На с. 9 О. В. вводит понятие *перцептивного словаря*, под которым, вслед за авторами частотного словника русской спонтанной речи, понимает «низший уровень ментального лексикона, содержащий все словоформы в акустико-фонетическом виде; его единицы соответствуют тем, которые используются человеком на начальном этапе обработки звукового сигнала». Предполагается, таким образом, что на начальном этапе обработки звукового сигнала человек воспринимает только форму, без всякого смысла.

Хотелось бы услышать от О. В. все же некоторый комментарий к этому положению, потому что мне как-то плохо верится, что, воспринимая некий звуковой комплекс, хранящийся в ментальном лексиконе человека (!) и, соответственно, знакомый ему, в том числе, по значению, носитель языка способен на каком-то первом этапе абстрагироваться от этого знания и воспринять чистую форму. Вполне допускаю, что я просто чего-то не поняла (а может, автор это плохо выразил), но тем полезнее будет и мне, и, полагаю, другим читателям и слушателям комментарий автора на этот счет.

7. Не очень внятно описан в работе и сам *материал исследования*. Так, на с. 22 читаем, что этот материал составили 146 словоформ и 173 их реализации. На с. 25 появляются цифры 910 словоформ и 1874 «уникальные единицы». В итоге автор приходит еще к двум цифрам: 18 словоформ и 117 их реализаций. Хотелось бы понять, каков путь от первых двух пар цифр – к последней, итоговой.

8. Так же не все ясно и с количеством испытуемых в экспериментах по восприятию: на с. 72 читаем: «В эксперименте приняли участие 60 человек. Каждый вариант первой части эксперимента прослушали 20 человек, второй — 30». Логичный вопрос: а что делали оставшиеся 10 человек?

9. И уж никак я не могу согласиться, что материал исследования О. В. составили некие *словоформы*. Недопустимая небрежность – называть словоформами наречия, союзы или вводные слова (*если, сейчас, совершенно, тогда, никогда, сколько, конечно* и под.), тогда как О. В. делает это последовательно, на протяжении всей работы.

10. Некоторое недоумение (но уже чисто исследовательского характера) вызывают и результаты первой части перцептивного эксперимента (с. 76): более низкий процент опознания типичных РФ по сравнению с нетипичными, особенно для единиц *говорит* (0 – 15,5 %) и *сегодня* (40,0 – 100,0 %). Чем это можно объяснить?

Полагаю, что О. В. сможет ответить на все поставленные в моем отзыве вопросы и высказанные замечания, а что-то просто примет к сведению на будущее. В целом же могу сказать, что, несмотря на все эти замечания, рецензируемая работа производит вполне благоприятное впечатление, особенно если привести ей в соответствие формулировки темы и цели (боюсь, правда, что это пожелание уже несколько запоздало...). Работа интересная, серьезная, насыщенная экспериментальными данными, которыми лично я непременно воспользуюсь в своих исследованиях русских РФ – и поэтому могу сказать, что исследование О. В. соответствует всем требованиям, предъявляемым к работам такого ранга, и может быть оценено весьма положительно.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета
Санкт-Петербургского
государственного университета

01.06.2012.

Н. В. Богданова